

Виктор Шимолин*Белорусский государственный университет*

МЕТАМОРФОЗЫ ТАЛАНТА: ПИСАТЕЛЬ, ХУДОЖНИК, ФОТОГРАФ

Проверенное временем наблюдение: талантливый человек – талантлив во всем. И еще: люди, прикоснувшиеся в молодости к искусству, увлекавшиеся живописью, музыкой, народным творчеством, – прирожденные фотографы. По крайней мере, их не надо учить «ставить кадр», обучать азам композиции. Все это, как говорят в народе, «от Бога».

Василь (Василий) Владимирович Быков – из их числа. В лаконичных биографических источниках упоминается об его увлечении живописью, а также о том, что в 1939–1940 гг. он учился на скульптурном отделении Витебского художественного училища. Можно лишь предположить, что эти работы чудом сохранились. А вот дар творца он пронес через всю жизнь, воплотив в незабываемых литературных произведениях. Что, собственно, и подтверждает народную мудрость о Божьем даре. Можно лишь добавить, что в стенах витебского учебного заведения творили и преподавали в 20-х гг. минувшего столетия Эль Лисицкий, Марк Шагал, Александр Ромм.

Последствия мимолетного увлечения изобразительным искусством сказались не только в литературных трудах. Руки писателя отрывались от пишущей машинки лишь для того, чтобы отвлечься или заняться другим творчеством. Так рождались эскизы-зарисовки, которые хранятся на его даче под Минском, ставшей филиалом Государственного музея истории белорусской литературы. На упоминаемой даче хранится фотоаппарат писателя «Зенит-Е».

Известный факт: Василь Быков любил фотографировать и на протяжении жизни обладал несколькими фотоаппаратами. Одна из соседок Быкова утверждала, что Василий Владимирович с любовью относился к автомобильной технике: приезжая на лоно природы, подолгу возился со своей «Волгой», а когда появился фотоаппарат «Поляроид» с мгновенной распечаткой снимков, он уговаривал знакомых сфотографироваться, ему хотелось всем продемонстрировать это чудо техники.

Фотографические работы писателя можно увидеть в его минской квартире. По утверждению Ирины Чеснок, бывшей сотрудницы музея-дачи Быкова в Ждановичах, здесь хранится фотопортрет Александра Твардовского, сделанный Василем Быковым.

На стенах дачи-музея можно увидеть образцы художественного творчества писателя: картинки-зарисовки из быта ее обитателей. Здесь же рукотворный декор: натюрморты-росписи на тему даров природы – арбузы, дыни, виноград. Одного взора на живописные этюды достаточно, чтобы

убедиться: хозяин строения творил для души. Эти картины резко контрастировали с сюжетами его литературных творений, изображенных в них судеб, врывались в миражи тягостных раздумий детским смехом и светлым солнечным потоком. И нам становится понятно предназначение этого хобби, которое служило ему психологической разгрузкой, позволяло вырваться из плена воспоминаний, защищаясь как щитом от бессовестной клеветы и пустых обвинений.

Этот вывод подтверждает скромный этюдник, на котором выставлен юмористический автопортрет с надписью «Мастацкі зуд». Писатель изобразил себя абстрактным человечком за мольбертом, как бы доказывая самому себе второстепенность увлечения.

Фотоаппарат попал в руки Василя Быкова позже кистей и красок, но описания природы воссоздавали реальные пейзажи, на фоне которых разворачивалось действие тех или иных его произведений. Некоторые из словесных картин он, конечно, мог и придумать, домыслить, но в памяти писателя фиксировались где-то и когда-то уже виденные природные красоты, жанровые сценки, к которым можно отнести и его фронтовые рисунки.

Быковские пейзажи не диссонируют с сюжетом, а дополняют его, помогают глубже проникнуть в характеры героев. Раскроем страницы «Альпийской баллады». Обратим внимание на фрагмент сюжетной канвы, когда Иван и Джулия, гефлинги-беглецы, два комочка жизни на лезвии бритвы, замирают при виде открывшейся перспективы: «Когда они выбрались на край каменистого обрыва и остановились, чтобы перевести дыхание, их взгляду открылся огромный пологий кособогор, поросший кривыми горными соснами. После сырого мрачного ущелья тут казалось необыкновенно тепло и просторно. Внизу широко раскинулась долина, за ней в бледно-сиреневой дымке тянулись вдаль соседние хребты гор» [1, с. 224].

Картины природы волнуют, рожают ассоциации и воспоминания. У Быкова они превращаются, логично вытекая из контекста произведения, в философские раздумья. В «Знаке беды» мы вчитываемся в тягостно-мучительное описание местности, поросшей кустарниками и деревьями. Где нет хозяина, там нет и жизни. Природа умирает на участке заброшенной земли, здесь же гибнет и разрушается хутор, знавший в былые времена веселые и радостные детские крики. Картина, нарисованная художником слова, формирует канву сюжета, дает имя повести: «Вороны, возможно, помнили что-то, а может, своим древним инстинктом чуяли в изуродованном дереве дух несчастья, знак давней беды. Этот роковой знак лежал здесь на всем: на истлевших остатках усадьбы, блаженствующих на приволье зарослях сорняков и малины, на самодовольной неприступности колючего шиповника и даже изогнутой груше-дичке. И только тоненькая молодая рябинка, недав-

но выбросившая на свет считанные листочки посередине заросшего травой подворья, в дерзкой своей беззащитности казалась гостьей из иного мира, воплощением надежды и другой, неведомой жизни...» [2, с. 24].

Быков, по мнению профессионалов, был хорошим фотографом, снимал увлеченно пейзажи, фиксировал на пленку образы родных и близких ему людей. Одна из лучших работ Василия Владимировича – портрет Солженицына и снимок, запечатлевший Александра Исаевича с Алесем Адамовичем в 1967 г. в Москве. Солженицын, получив фотографии, благодарил Быкова: «Спасибо за карточки. Они очень хороши. Очевидно, вы владеете самоограничением, наиболее трудным для начинающего фотографа: отбрасывать 35 плохих или средних негативов и печатать только 36-й хороший».

А вот Александр Твардовский, получив из Гродно свой портрет, ответил без дипломатической сдержанности: «Право, Василий Владимирович, я никогда не считал себя красавцем, но в таком обличье еще не видел себя ни на одном снимке, – уж очень похабная харя получилась!». Вскоре Твардовский зафиксировал в дневнике, что получил «милый ответ доброго и мужественного писателя» и несколько снимков. Далее автор «Василия Теркина» с грустью заметил: «Редко какой случай в жизни могу вспомнить, чтобы я так был огорчен своим неблагообразием...».

Эта запись требует краткого толкования. Фотография, прежде всего, документ. И этим подобна зеркалу, которое беспристрастно отражает все, что перед ним находится. Мы, достигая определенного возрастного рубежа, начинаем игнорировать собственное отражение, с изменившимся цветом волос, морщинами на лице, возле глаз. Поэтому поэт и не упрекал Быкова за качество фотографии, а искренне огорчился лишь собственным изображением, которое напомнило: молодость, как сама жизнь, увы, не вечный дар.

Известный белорусский фотожурналист Евгений Коктыш, более двадцати лет работавший собственным корреспондентом АПН по Беларуси, и Сергей Шапран, дотошный исследователь жизни и творчества писателя, подтверждают фотографические способности любимого писателя. По их мнению, увлечение фотографией служило создателю «Альпийской баллады», «Знака беды», «Мертвым не болит» и других потрясающих произведений своеобразной отдушиной в каторжном литературном труде, помогало на время забыть об удушающей атмосфере официального покровительства, а затем и организованной свержу травли.

Василь Быков отражал реальность бытия с документальной, фотографической правдивостью, яркими штрихами живописца, с той оголенной искренностью, которая шла вразрез с установками официальной идеологии, окружавшей его своей «заботой» и угнетавшей. Написанные им трагедии никогда не были оптимистическими. Лишь фотографии, сотворенные писа-

телем, наполнены внутренним светом, отраженным на лицах его близких, родных и хороших знакомых, всех тех, кто уважал и искренне любил его.

Литература

1. Быков, В.В. Журавлиный крик. Третья ракета. Альпийская баллада / В.В. Быков. – Минск: Маст. літ., 1972. – 320 с.
2. Быков, В.В. Знак беды / В.В. Быков // – Минск: Маст. літ., 1989. – 542 с.
3. Шапран, С. Васіль Быкаў / С. Шапран // Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах / С. Шапран. – Мінск – Гародня, 2009. – 734 с.

Надежда Юшкевич

Белорусский государственный университет

СТРАТЕГИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ (на примере венесуэльской ежедневной газеты «Последние новости»)

Сейчас практически во всем мире печатные средства массовой информации столкнулись с проблемой падения тиражей, нашей стране такая проблема также характерна. Этому есть несколько причин: как объективных – развитие информационных технологий и общедоступность интернета; так и субъективных: устаревшие способы привлечения аудитории, к которым прибегают редакции печатных медиа, а также непродуманность стратегии издания. Тем не менее печатные средства массовой информации могут работать прибыльно, и этому есть ряд примеров. Уже несколько лет мы исследуем систему СМИ Венесуэлы и в данном докладе предлагаем познакомиться с методами, к которым прибегли собственники крупнейшей газеты страны «Últimas noticias» («Последние новости»), чтобы она стала не только популярным среди жителей страны серьезным общественно-политическим изданием, но и прибыльным вложением капитала.

Холдинг **Cadena Capriles**, **главным изданием которого является выше-**названная газета «Последние новости», находится на рынке медиа Венесуэлы более 70 лет. Руководство медиагруппы считает, что «секрет успеха холдинга, специализирующегося на печатных средствах массовой информации, заключается, прежде всего, в умении разговаривать с аудиторией на ее языке» [4, с. 237].

Сегодня тираж «Последних новостей» в будние дни составляет 210 тысяч экземпляров, в воскресенье достигает 280–300 тысяч. Из этой цифры 70 % тиража расходуется в Каракасе и 30 % распространяется по другим регионам страны. Издание обладает рентабельностью, равной 4 %. Согласно исследованиям, проведенным подразделениями медиахолдинга «Каде-